

“Я увидел груду рисунков высотой в полтора метра”

В конце восьмидесятых — начале девяностых годов **Виктор Иванович Балдин**, ныне покойный, несколько раз встречался с нашим корреспондентом **Татьяной Невской**. Мы предлагаем читателям *Газеты* фрагменты этих бесед.

На войну я ушел из Троице-Сергиевой лавры, где работал реставратором. Закончив во Фрунзе ускоренный курс военно-инженерной академии, возглавил саперный батальон, который вошел в формируемуюсь 61-ю армию, так прошел от Курска до Берлина, где и расписался на колонне Рейхстага.

5 мая мной был получен приказ найти здание для штаба, с условием — чтоб была вода. И в семидесяти километрах севернее Берлина, куда я прибыл на трофейной машине в сопровождении двух солдат, я увидел у озера охотничий домик, принадлежавший графу Кенигсмарку. Вначале появился дворецкий, я сказал ему, что хочу видеть хозяина. Затем вышел и сам граф, вместе с ним — две дамы. Граф был высокий, худой, очень импозантный старик лет семидесяти пяти. Он смотрел поверх наших голов, я сообщил ему, что охотничий домик необходим нам для размещения штаба, взамен мы можем отвезти его, куда он скажет, и найти для него жилище. Одна из дам переводила ему, затем на чистейшем русском языке ответила, что граф велел пере-

дать — ему от русских ничего не нужно. И они ушли. Дамы были из немцев Поволжья, интернированных в Германию, одна из них была пассией графа. Как стало потом известно, граф Кенигсмарк еще до прихода русских говорил, что, если советские войска оккупируют Германию, он покончит с собой. Так он и поступил. Сел в лодку, выплыл на середину озера и вскрыл себе вены.

Штаб, заняв охотничий домик 5 мая, простоял там до 29 июня. Для солдат вблизи домика в лесу были построены деревянные бараки, где размещались четыре батальона, там же жили четверо офицеров. В охотничьем домике была роскошная библиотека, которая, впрочем, таяла день ото дня. Однажды вечером, примерно 27 июня, меня вызвал начальник СМЕРШа и распорядился, чтобы к нему приставили в охрану взвод. Командир взвода, он был из испанцев-республиканцев, эмигрировавших в СССР в 1937 году, сказал мне, вернувшись из охотничьего домика, что там в подвале лежит груда рисунков. Я пошел в подвал, зажег спичку — и в самом деле увидел груду рисунков в тяжелых роскошных паспорту высотой более полутора метров. Начал смотреть — Дюрер, Рембрандт, Дега. Я за голову схватился и в шоке побежал к начальству. А командир подвел меня к окну и сказал: «Видишь, машины грузят самым необходимым, и нет места твоим шедеврам. Делай с рисунками, что хочешь».

Сердце у меня кровью обливалось. Взял свечу и нож. И всю ночь напролет вырезал листы из паспорту. Всех выгнал, снаружи у двери поставил солдата. Вырезал почти триста штук, потом еще около пятидесяти — выменял. А в подвале остались литографии и что-то еще. Ночь закончилась. Сердце болело: «Пропадет»... И правда, пропало. А то, что вырезал, сложил в чемодан, из которого выбросил свои штабные документы.

Утром тронулись в путь. Мы сопровождали власовцев. Путь был неблизкий. Тогда я обнаружил, что у многих солдат в палатках висят гравюры из подвала. В основном ню. И начал я выпрашивать, уговаривать, что у тебя, дескать, пропадет. Что-то так отдавали, что-то выменивал, а темперу Дюрера «Голова Христа» сменил на хромовые сапоги, у которых тоже была своя история. Сапоги эти достались советским офицерам то ли от Черчилля, то ли от Рузвельта. Союзники презентовали нам шинельное сукно и хром на сапоги. Так вот на сапоги эти я и выменял Дюрера. Три дня выпрашивал. А рисунок к тому же лежал на дне чемодана лицом вниз, на ухабах терся о поверхность. И уже стерся, немного щеки повредились.

Как коллекция из бременской Кунстхалле появилась в охотничьем домике графа Кенигсмарка? Он взял ее в бременской Кунстхалле в 1943 году на хранение, чтобы спасти от бомбардировок.